

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Фрагмент
древнерусской
летописи указывает,
как найти сокровища
Рюрика...

Виктория Лисовская

**Путь к золоту
Рюрика**

Артефакт & Детектив

Виктория Лисовская
Путь к золоту Рюрика

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лисовская В.

Путь к золоту Рюрика / В. Лисовская — «Эксмо»,
2021 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-155366-1

Существует несколько версий, где находится могила Рюрика, и по легенде, в ней спрятаны сокровища. Путь к золоту зашифрован в фрагменте древнерусской летописи, но и она, и сама могила прокляты... В XIX веке из-за летописи было совершено покушение на князя Мильфорда, в наши дни преподаватели и студенты отправились на раскопки могилы, и сразу же в лагере археологов произошло убийство... В прошлом разыскивает убийцу умная и очаровательная горничная Глафира, в настоящем – студентка Майя Виноградова, и обе девушки подбираются к разгадке слишком близко...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155366-1

© Лисовская В., 2021
© Эксмо, 2021

Виктория Лисовская

Путь к золоту Рюрика

© Лисовская В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Недалекое прошлое. Деревня в Новгородской области

– А я тебе еще раз говорю – без сестренки я тебя гулять не отпускаю. Вот еще выдумал – бросил Майку в огороде, а сам – фить... и свалил!

– Ну, баба Маруся, меня пацаны ждут, мы на речку собирались. Что мне эту малявку с собой тащить! – Десятилетний Вова нахмурился, но старался не заплакать, вот еще, он большой – плакать не будет. Но переспорить бабу Маню было невозможно.

На крыльце сидела заплаканная и взъерошенная, как оципаный воробей, сестренка Майя, грязной ладошкой вытирала она глаза от сильной серьезной обиды – любимый брат Вовка не брал ее в свою компанию, а ведь там так интересно: пацаны сражались на почти настоящих деревянных мечах, залезали на верхушки высоченных сосен, бежали наперегонки по пыльным улицам Заполья. А ее, чумазую пятилетку, с собой не брали – было от чего расстроиться. Сидеть в огороде с бабой Маней девчонке тоже надоело. Для этого отправили их родители в деревню – чтоб в огороде скучать, что ли? Вот еще!

Майя величественно задрала курносый нос. А ведь ехали-то из самого Питера в дуином и тесном вагоне, где всю дорогу Майя скучала и считала столбы за окошком.

А теперь и здесь у бабушки скучать – нет уж, Вовка, я с тобой!

– Владимир, это не обсуждается. Если не будешь за сестричкой следить, то я и тебя не отпускаю гулять – будете с дедом мне помогать банки закатывать. Вон помидоров сколько перебрать надо!

Вовка на всякий случай отодвинулся к окошку, из-за которого уже несколько раз призвонно свистел Толик Синьков.

– Но меня же пацаны засмеют, что я – нянька?! – мальчик даже слегка повысил голос. Но этот его порыв был мгновенно погашен настоящей истерикой Майи:

– А-а-а-а... – на одной ноте выла сестричка. – А-а-а-а... я тоже хочу на речку!

– Да чтоб вас... – в сердцах плюнула баба Маня. – Мне же банки закатывать надо сегодня, там уже все готово стоит.

Одной рукой она сгребла орущую девчонку, сунула ей в руку горбушку черного хлеба, второй рукой, придав Вовке ускорение чуть пониже спины, выставила обоих за дверь, напоследок заявив внуку:

– Не уследишь за Майкой – сегодня же отцу позвоню: пусть забирает тебя! И чтоб в сторону кладбища не ходили, понял меня?

– Понял-понял! – уныло отозвался Вова, он смирился с неизбежным и взял вмиг повеселевшую Майю за руку. Вместе откусывая от горбушки хлеба, вышли на перекресток, где уже поджидали Толька Синьков, Митька Князь и парень постарше с соседней улицы Леха Синица.

– Опаньки, эй, городской, а это что за обуза такая? – ухмыльнулся Толик, увидев девочку.

– Я не обуза, – хмыкнула она носом. – Я Майка!

– Майка?! Майка?! А че не футболка?! – заржал, показывая гнилые желтые зубы, Сеница.

– Сестра это, моя Майя! Хватит ржать! С нами пойдет! – медленно процедил Вова.

По его тону было понятно, что обижать сестру он никому не даст. Это дома он мог сам прикрикнуть, поругать малышку – но другим обижать не даст.

– Вован, мы же хотели сегодня в склеп сходить – или ты струсил? – смачно плюнув в канаву, заявил тощий как жердь Леха Сеница.

– Ничего я не струсил! – Вовка надулся и принялся сосредоточенно рассматривать узор на футболке.

– Что за склеп? Что это такое? – задержала его за рукав Майя.

– Не, с девчонками я в наше тайное место не пойду! – взъерошив светлый чуб, заявил Митька по прозвищу Князь.

– Вова, что за тайное место? Что за склеп? О чем они все говорят?! – еще настойчивее задержала брата Майя.

– А это секрет! Это не для девчонок! – Князь опустил на корточки к девочке. – Склеп – это место на кладбище, где живут привидения! У-у-у-у-у!! Боишься? – кривляясь, мальчик принялся махать руками.

Майя быстро юркнула за спину брата, она уже пожалела, что не осталась с бабой Маней закатывать банки.

– А ну не трожь ее! – Вовка угрожающе сжал руки в кулаки.

– Ишь, городской, раскомандовался! – Князь снова сплюнул в канаву, засунул руки в карманы и нехотя отошел. – Я с малявками в склеп не полезу! Будет там орать как резаная!

– Я не буду! Честно! Я храбрая! – Майка высунулась из-за спины брата и только хотела опять зануть, чтобы ее взяли на приключения, как голос повысил старший Сеница.

– Сегодня склеп отменяется, все равно погода портится, в следующий раз ходим без... – он недовольно хмыкнул, – без... некоторых. Ты принес? – обратился он к Вове.

Тот молча кивнул и вытащил из кармана джинсовых шортов, заветной мечты местного населения, несколько штук жвачек «Турбо».

Их сразу же подцепили сельские ребята и, в мгновение разорвав упаковку, направили угощение в рот. Даже капризничавший Митька с удовольствием двигал челюстями и рассматривал наклейку с яркой машиной.

– Смотри, у меня такой еще нет, иномарка какая!

Конфликт, таким образом, был улажен. На Майю пацаны уже смотрели весьма благоклонно, потому Вова рискнул задать вопрос:

– А куда же мы идем тогда? На речку?

– Нет, лучше. В могильник идем – Шумку смотреть! – ответил Толя.

– В могильник? – Мальчик остановился посреди дороги.

– Нам нельзя на кладбище же, баба Маня не велела, – тихо, но серьезно заявила Майя.

– Это не кладбище! Это Шумка! – тщательно пережевывая «Турбо», объяснил Леха.

– Вова, что такое Шумка? – тихо спросила девочка.

– Не знаю, – так же тихо ответил он.

Майя в этот момент снова подумала, что закатывать банки с бабой Маней – не такая уж и глупая затея.

– А может, все-таки на речку? – облизнув сухие губы, спросил Вова.

– Вот что, друг мой Вовка, – расплылся в глупой улыбке Сеница. – Не бойсь, Шумка вас не обидит, мы тебе такое расскажем, о чем в вашем Питере и по телику не покажут. Тут и идти недалеко, не бойсь, сестренку свою держи крепко за руку, шоб не свалилась, и не бойсь. А в склеп мы с тобой на следующей неделе ходим, лето-то большое. У тебя еще дома «Турбо» есть?

Вовка неопределенно мотнул головой.

Идти пришлось довольно далеко, с непривычки у маленькой Майи даже заболели ножки, но она упрямо молчала, хотя с каждым шагом становилось все сложнее.

Так, болтая о том о сем, в основном о моделях городского автотранспорта (у Вовкиного отца был настоящий «Форд», а у отца Толика только трактор в гараже), дети добрались до перекрестка, за которым возвышалась огромная гора, покрытая неровной зеленью.

Место было пустынное, и даже яркое июньское солнышко как-то померкло и помрачнело, небо заволочло тучами.

Майя зябко поехала в открытом сарафане. Место и эта дурацкая гора ей совершенно не нравились. Зачем столько времени сюда шли?

Девочка хотела есть и пить, но понимала, что сама навязалась в это опасное приключение, и если сейчас она завоюет и заночует, то Вовка ее точно больше никуда не возьмет.

– Вот, пришли, располагайтесь, – заявил Синица и первый плюхнулся на смятую траву. Вовка сначала достал из кармана большой носовой платок, аккуратно развернул его, посадил сестру, а сам остался стоять.

– И чего здесь такого? – спросил он.

– Это Шумка, – начал Князь, кивком указав на гору за спиной.

– Шумка, а что это значит? – спросила Майя, испуганно косясь на брата. Эта гора ей определенно не нравилась.

– Это Шум-гора, местная достопримечательность, сюда ученые даже из Москвы приезжали – вот! – вредина Митька все хотел принизить зарвавшегося городского.

– А что в этой горе такого? Ну гора и гора! Что я гор не видел, что ли? Папа в следующем году обещал на Кавказ нас свозить – вот там горы интереснее! – заносчиво сообщил Вова.

– Тут главное, не какая Шум-гора внешне, а что внутри! – заговорщически ухмыльнулся Толик.

– А что внутри? – голос у Майи предательски дрогнул.

– Это не просто гора – это такая могила, курган называется. А внутри лежит великий воин, с ним золота, драгоценностей – видимо-невидимо. Тут про нашу Шумку даже передачу снимали, показывали, – сообщил Синица.

– Да какая могила! Вы что, шутите? Таких могил не бывает! – Вова задрал голову вверх, Шумка была необыкновенно высокой.

– С этим великим воином похоронены и его солдаты, которые с ним вместе воевали, – подтвердил Митяй. – Там двенадцать знатных воинов и их князь.

– Князь? И ты у нас князь? – удивленно спросила девочка.

Все пацаны весело засмеялись.

– Он, наверное, потому и князь, что его бабка Агафья всем эту сказку про Шумку рассказывает! – сквозь смех сказал Леха.

– Ничего не сказки, мою бабушку даже по телику показывали! А великий воин там похоронен с бочонками золота, камни драгоценные, мечи, щиты все из золота. Все-все!

– А почему тогда до сих пор не откопали? Если там золота столько? – Вова еще раз с интересом уставился на гору.

– А нельзя откапывать! Место проклятое! – серьезным тоном сообщил Толик.

– Как это проклятое? – спросила Майя.

– А ты думаешь, почему гора называется Шум-гора?

– Не знаю, – девочка затрясла головой.

– А вот сейчас узнаешь... Так, все заткнулись! – громко приказал Синица. – Сидим ждем!

Все сразу замолчали, стало оглушительно тихо – так тихо, как никогда не бывает в городе, где всегда есть какие-то звуки – капаящая вода в кране, работающий телевизор у соседей, гудящий холодильник на кухне, а здесь, посреди поля, возле загадочной горы тишина

была оглушающая, убивающая все звуки. Ни птиц, ни животных, ни порывов ветра не было слышно. Тишину можно было разрезать ножом, об нее можно было уколоться, почувствовать, потрогать ее.

От нее стали неметь уши.

«Еще секунду, – подумала Майя, – и я просто зареву, чтобы хоть как-то разорвать эту тишину».

Но кричать не пришлось, через мгновение из недр Шум-горы послышались звуки: сначала негромкие, но с каждой секундой становившиеся все явственнее и пронзительнее.

Это был шум битвы, шум боя. Но не того боя, что показывают в кино – с танками и самолетами, нет, это была древняя битва – звяканье меча о железный щит, ржание раненого коня, свист стрел, шумный топот мчащихся всадников.

Перед глазами Майи, застывшей в недоумении, проносились одна за другой странные картинки. Это было не кино, не магнитофон, все эти звуки доносились из недр Шум-горы.

А вскоре после битвы дети слышали звук церковных колоколов и даже отдаленные звуки церковного хора.

Майя подскочила с травы, зажала уши руками:

– Нет, не может быть! А-а-а-а...

Санкт-Петербургский государственный университет. Наши дни

– А-а-а! – вскрикнула, проснувшись, студентка.

– Уважаемая госпожа Виноградова, мне, конечно, жаль, что вам приснился страшный сон, приношу свои извинения, что своей нудной и бестолковой лекцией я нарушил ваш покой и разбудил вас, но прошу в дальнейшем кричать на моих занятиях только с моего письменного разрешения. – Профессор Апраксин спустил очки на кончик носа и внимательно взгляделся в растерянную первокурсницу Виноградову.

Вся аудитория засмеялась, послышались обидные шуточки в сторону Майи.

– Извините, пожалуйста, – пробормотала девушка и, глубоко натянув на голову капюшон толстовки, уставилась в конспект лекции.

– Ну ты, Майка, даешь! Заснуть у самого Апраксина! Ты чем по ночам занимаешься? – Рыжая и курносая, похожая на ощипанную лису, подруга Стешка ткнула Виноградову в бок.

– Ничем не занимаюсь! – Майя была сама ошарашена и тем, что заснула на лекции по любимому предмету, и тем, что сон всколыхнул воспоминания глубокого детства. Она уже и забыла то далекое пыльное лето в гостях у бабушки Мани, выветрились из памяти лица друзей брата, только одно было неизменно – девушка в мельчайших подробностях помнила Шум-гору и яркие и загадочные звуки, раздающиеся из ее недр.

Помнила она, как после такой аудиопрезентации горы она что есть мочи побежала в сторону деревни, дрожа от страха, как бежал за ней Вовка, просил остановиться, как долго ее потом отпаивали горячим чаем, как хлопотала рядом баба Маня, как в слезах Вовка рассказывал дома о чудной горе.

Что еще больше поразило девочку, так то, что и бабушка, и дед прекрасно знали странности Шум-горы, знали, что внутри похоронен великий воин со своей дружиной, все в золоте и серебре. И что это истинная правда. А великий воин тот – сам Рюрик, первый князь и основатель Древнерусского государства.

То есть там, в недрах Шум-горы, недалеко от Луги, лежит легендарный правитель.

Именно тогда Майя впервые услышала о первом князе, и это произвело на нее такое огромное впечатление, что она, повзрослев, поступила на исторический факультет, постоянно зачитывалась книгами по Древней Руси.

Профессор Апраксин Сергей Юрьевич еще раз внимательно взглянул на Виноградову, неодобрительно покачал седой головой и продолжил увлекательный экскурс в историю.

Речь сегодня шла как раз о Рюрике, может, поэтому и приснился Майе интересный сон, связанный с детскими воспоминаниями.

Апраксин детально разбирал «Повесть временных лет», особое внимание делая на призыв Рюрика новгородцами:

– И решили: «Поищем сами себе князя, иже бы володели нами и рядили по ряду, по праву»... «И пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске». Но на самом деле Синеус и Трувор не были братьями Рюрика. По мнению многих исследователей, имя «Синеус» представляет собой искаженное старошведское «свой род», а «Трувор» – «верная дружина». Таким образом, Рюрик приходит княжить не со своими двумя братьями, а со своим родом и верной дружиной. Поэтому многие историки полагают, что Нестор Летописец в написании «Повести временных лет» пользовался более ранними, но пока неизвестными, шведскими источниками, и при этом транскрибировал слова, не переводя.

В этот момент прозвенел звонок, но никто даже не шелохнулся в аудитории, до того интересно рассказывал Сергей Юрьевич:

– Но об этом в следующий раз. Еще раз о легендарном Рюрике, откуда пошла русская земля и становление нашей государственности от варягов. Есть ко мне вопросы?

Майя, даже не подумав и секунды, взметнула руку вверх.

– Есть, есть вопрос! Скажите, а где на самом деле похоронен Рюрик?! Есть в летописях данные о его погребении?

Апраксин улыбнулся, снял очки, протер их носовым платком и медленно ответил, склонив седую голову набок:

– Госпожа Виноградова, в современной исторической науке есть несколько гипотез по поводу последнего места упокоения Рюрика. На место могилы князя претендуют две территории: дно озера около Тайничной башни Ладожского форта в Старой Ладоге и город Корела, нынешний Приозерск. Никаких документальных подтверждений этим версиям нет, основаны они исключительно на легендах. В данный момент обширные археологические исследования проводятся в Старой Ладоге, и на месте раскопок даже побывал президент Путин, а новгородское МЧС с помощью водолазов ищет могилу Рюрика на дне Ладоги. Ведь легенда гласит, что гроб князя, сделанный из золота, был затоплен. Я ответил на ваш вопрос?

Майя упрямо тряхнула головой, да так, что ее синие дреды зашелестели.

– Профессор, а как же Шум-гора в Новгородской области? – голос девушки дрогнул.

– А, вот вы о чем. Есть несколько научных исследований, предполагающих, что могила Рюрика находится в древнем кургане близ деревни Подгорье Батецкого района Новгородской области. Этот курган называют Шум-гора. Место это весьма необычное, но об этом в следующий раз. Сейчас, извините, у меня лекция у третьего курса. Я ответил на ваш вопрос?

Майя почесала ярко-синюю голову и все-таки кивнула старому профессору.

– Вот и замечательно, – промолвил он. – А сейчас всем до свидания и до встречи в пятницу. А вы, госпожа Виноградова, зайдите, пожалуйста, после обеда ко мне на кафедру, не забудьте.

На кафедру? Опешила Майя. Но зачем? О чем с ней хочет побеседовать Апраксин? О том, что нехорошо спать на занятиях? Она и сама это прекрасно знает. Просто вчера всю ночь она работала – готовила реферат по зарубежке, вот и не выспалась толком. Так зачем же она понадобилась профессору? Или не нужно было вылезать с вопросами о Шум-горе? Да, легенды красивые, но официальная наука старые сказки особо не признает. Хотя, надо признать, Шум-гора – место астральной силы.

Так, промаявшись до обеда и быстренько перекусив со Стешкой пирожками в университетской столовой, Майя заглянула на кафедру Истории России.

Сергей Юрьевич уже был на месте, работал на ноутбуке, но, увидев Виноградову, ласково поманил ее.

– Майя, заходите-заходите. Присаживайтесь. Я как раз просматривал вашу работу о ранних летописях Древней Руси. Хорошо, более чем хорошо. Вы большая молодец. – Апраксин еще раз внимательно взглянул на Майю.

Она покраснела и чуть не втянула голову в плечи.

– Спасибо, – промямлила девушка.

Она страшно терялась, когда ее принимались хвалить. Ей было стыдно, некомфортно, почему-то от похвалы она всячески открещивалась и даже отшатывалась.

И ясно, почему профессор разглядывает ее с таким недоумением. Неформалка с синими дредами, пирсингом в ушах, она никак не ассоциировалась с лучшими студентами на курсе. Ну, не носит она толстенные очки, как отличницы семидесятых, нет у нее тугих косичек с белоснежными бантами, слушает она странную музыку и одевается, мягко говоря, оригинально – как это все относится к ее познаниям по истории?

Майя давно смирилась, что ее внешность и внутренний мир кардинально отличаются между собой.

Сергей Юрьевич хмыкнул, поцокал языком, а затем спросил:

– Я хотел узнать у вас, Майя, вы записались уже на летнюю практику к какому-нибудь преподавателю?

Майя неопределенно мотнула головой.

– Нет еще, я не успела. Так лето и не скоро.

– По программе у вас должна быть археологическая практика в этом году. Я хотел бы записать вас к себе. Но это еще не все. Вы сегодня на лекции подали мне замечательную идею. Я в этом году хотел бы провести исследования, знаете где, никогда не догадаетесь – на Шумгоре и ближайших к ней курганах. Я уже отправил запрос, думаю, подготовиться успеем, тема и впрямь уникальная. Работы предстоит много. А вы, Виноградова, если не возражаете, мне в этом поможете...

1868 г. Санкт-Петербург

– Глаша, Глаша, Глафира, да где ты там прохлаждаешься? Не слышишь разве, в дверь звонят!!

– Иду-иду, извините, Аристарх Венедиктович, извините, на кухне позадержалась. – От быстрого бега по лестнице передник сбился в сторону, волосы, выглядывающие из-под накрахмаленной шапочки, взъерошились, потому Глафира перед дверью на несколько секунд остановилась отдышаться, а то что гость подумает о такой нерадивой прислуге.

А гость, точнее, гостья была весьма упряма и нетерпелива, дверной звонок она безжалостно терзала несколько минут, не прекращая это занятие, и когда дверь меблированных комнат на Мойке наконец-то распахнулась.

У порога стояла стройная дама в модном двубортном жилете, отороченном мехом куницы, в широкополой шляпе, почти полностью прикрывающей лицо, вдобавок на незнакомке была надета изящная темная вуаль, разглядеть гостью сквозь которую было проблематично. За спиной маячил изысканный дорогой экипаж, мужик на козлах придирчиво оглядел с ног до головы Глафиру, неодобрительно цокнул языком, мол, что так долго открываете, и кивнул своей молодой хозяйке.

Та немного приподняла шляпку, но лица все так же не было видно, и задала вопрос с небольшим акцентом:

– *Добрый день, мне сообщили, что здесь живет господин Свистунов, я могу с ним сегодня поговорить?* – *молодая, даже юная девушка говорила по-русски чисто, но некоторые звуки, например «Р», у нее грассировали, и сама постановка фраз говорила о том, что незнакомка прибыла издалека.*

– *Добрый день, Аристарх Венедиктович у себя. Как о вас доложить?*

– *Мое имя ему ни о чем не скажет, но сообщите, что его хочет видеть княгиня Мильфорд,* – *при этих словах, как показалось Глаше, девушка немного улыбнулась.*

– *Да, конечно. Проходите, я сейчас доложу.* – *Глафира помогла даме войти и, постучав в кабинет хозяину, представила гостью.*

– *Да, конечно, Глашенька, веди ее сюда, немедленно веди.* – *Господин Свистунов попытался подпрыгнуть на кресле, что при его ста двадцати килограммах живого веса было весьма проблематично.*

Глафира кивнула и привела в комнату княгиню.

Та сняла шляпку и сейчас мяла ее в руках, темная вуаль так и осталась на лице. Она внимательно взглянула на Аристарха Венедиктовича, неопределенно пожала плечами и села в кресло у дальней стены кабинета.

Свистунов был немного удивлен странным выбором кресла гостью, но, встряхнув своими тремя подбородками, невнятно произнес:

– *Княгиня, очень рад встрече. Чем могу вам помочь?*

Та снова задержала шляпку в руках и, косясь на застывшую в дверях Глафиру, ответила, медленно, но твердо проговаривая слова:

– *Мне вас рекомендовали как хорошего сыщика, дело весьма конфиденциальное, мы могли бы с вами поговорить tête-à-tête?* – *Последнее слово было произнесено по-французски.*

Аристарх Венедиктович с трудом с одышкой поднялся с кресла, вытирая потный лоб огромным белоснежным платком.

– *О, топ аті,* – *тоже начал он на языке Дюма,* – *здесь, в моем доме, вы можете говорить обо всем, ничуть не сомневайтесь, все тайны останутся неприкосновенны.* – *Свистунов чуть ли не в молитвенной позе сложил ладони.*

– *Да, я понимаю, но как же...* – *Княгиня кивнула на замершую как истукан Глафиру.* – *Не хотелось бы, чтобы прислуга судачила, через пару часов весь город будет знать,* – *она даже слегка повысила голос, чтобы доказать свою правоту.*

– *Моп аті, так вы о Глашеньке ведете речь?!* – *Аристарх легонько стукнул себя по лбу.* – *Не смейте сомневаться, о Глашеньке можете не переживать. Во-первых, наша Глафира глупа как пробка, она сейчас вас даже и не слышит, и не понимает, во-вторых, она постоянно витает в своих фантазиях и по причине своего скудоумия никогда не мешает мне в моих детективных экзерсисах. В-третьих, ну уж если вы могли бы подумать, что у самого знаменитого сыщика Санкт-Петербурга Аристарха Венедиктовича Свистунова,* – *при этих словах он поднял палец,* – *может произойти какая-либо утечка личной информации?*

Встав напротив княгини, он укоризненно покачал головой.

– *Но почему вам просто не отослать вашу, как там ее, Глафиру на кухню? Зачем она тут стоит? Меня ее присутствие даже нервирует,* – *голос гостью стал капризным и требовательным.*

– *Дело в том, моя милая княгиня, что в некоторых моих гм... делах... Глафира иногда бывает полезной. Не обращайтесь на нее внимания, считайте, что перед вами стол, стул или даже саквяж. Итак, приступим. Что побудило вас, топ аті, ко мне обратиться?*

Все еще недовольно косясь на прислугу, что было видно по повороту головы, хотя вуаль не позволяла заглянуть в лицо, княгиня Мильфорд начала повествование:

– *Хорошо, как знаете. Мне посоветовали обратиться к вам с весьма деликатным делом, в которое я не хотела бы впутывать посторонних.*

– Позвольте один вопросик. Князь Яков Давыдович Мильфорд, заместитель главы ИАН, Петербургской Академии наук, вам случайно не родственник? – сведя брови на переносице, спросил Свистунов.

– Да, вы правы, это тот рёге, мой батюшка, – кивнула барышня.

– Наслышан о нем, наслышан. Итак, извините, княгиня, запомнил ваше имя.

– Надежда Яковлевна.

– Продолжайте, Надежда Яковлевна, я вас слушаю.

– Так вот, дело весьма деликатное, я даже не знаю, к кому я могу обратиться. К отцу точно с этим не могу подойти, сейчас объясню почему, мать я потеряла еще в далеком детстве. Слегла она от горячки, так вот, воспитывали меня тетюшка Луиза и дядюшка Карл Христофорович – это родственники со стороны маменьки. С отцом своим, Яковом Давыдовичем, я виделась за всю жизнь три раза всего. Мы жили с дядей и тетей в предместье Парижа, и вот только для выхода в свет и успешного замужества меня вызвал сюда в Санкт-Петербург папенька. – Девушка замолчала, продолжая теревить полы шляпки.

– Продолжайте, милая. – Аристарх Венедиктович снова уселся в свое кресло.

– В Петербурге я недолго, всего несколько месяцев, батюшка принялся выводить меня в свет, но здесь я мало кого знаю...

– Вы через меня хотите найти себе жениха? Но, милая, я подобными делами не занимаюсь. Вам нужна сваха. – Свистунов даже развел руками от огорчения.

Окаменевшая Глафира еле сдержалась, чтобы не рассмеяться во весь голос.

– Нет, что вы! Что вы! – гостья замахала руками в тонких шелковых перчатках. – Как вы такое могли подумать?

– Тогда извините, рассказывайте дальше. – Свистунов поджал губы.

– Несколько дней назад я отправилась к батюшке Якову Давыдовичу на службу: мне нужно было с ним поговорить о предстоящем банкете у Рамадановских, там были вопросы по поводу моих нарядов, но это сейчас неважно. Так вот, как вы знаете, мой отец служит в Академии наук. У него важный чин, важная государственная должность, он возглавляет особый отдел, но чем он конкретно занимается, я точно не знаю. Никогда особо не интересовалась, какие-то бумаги пишет и подписывает.

Аристарх Венедиктович неопределенно хмыкнул.

– В тот день папенька был очень занят, мне предложил секретарь его Старыкин подождать в приемной, но я устала, было душно, шумно, и я решила немного побродить по Академии, там внутри так красиво и изысканно. Но немного заблудилась, не там повернула и только минут через двадцать смогла вернуться к папенькиному кабинету. Секретаря на месте уже не было, и я сама не знала, смогу ли войти к отцу в кабинет или нет. Чтобы никому не помешать, я тихонько подошла к двери. Я не собиралась подслушивать, ей-богу, нет, – Надежда Яковлевна зарыдала, плечи ее вздрагивали.

– Не волнуйтесь, княгиня, мы вам верим, – ласково заверил ее сыщик.

– Я подошла к двери, услышала голос отца – он гневался, сильно кричал. Я чуточку приоткрыла дверь, на щелочку, чтобы посмотреть, на кого отец так кричит. Я никогда раньше не видела его таким злым и рассерженным. С кем он говорил, я не смогла разглядеть, только черный плащ со спины и темная шляпа на голове, ну такая, как носят гвардейцы. Отец несколько раз повторил: «Вы не понимаете, о чем просите. Это невозможно, я этого делать не буду». Черный плащ тихо, но угрожающе сказал: «Информация, что в этом дневнике, никуда не должна просочиться. Она должна быть уничтожена немедленно». Отец кричал, что какой-то Яновский все сам придумал, что этому никаких подтверждений нет. Черный плащ что-то угрожающе сказал ему, что если эта информация из дневника попадет в свет, то это будет просто катастрофа, хуже революции, что все государство наше рухнет, а мой отец – дурак, если это не понимает. И что если тот не уничтожит бумаги Яновского,

то отцу мало не покажется, мало того, что потеряет должность и уйдет под суд, но также лишится жизни, – при этих словах барышня замолчала.

В комнате повисла тишина.

– Что же было потом? – нарушил тишину Свистунов.

– Я очень испугалась, бегом бросилась от дверей. Еще не хватало, чтобы меня застигли подслушивающей. Я боялась того незнакомца в черном плаще, боялась, что он меня увидит. Я опять побежала по анфиладе комнат, натыкалась на каких-то людей, по дороге плакала. Потом успокоилась, вытерла слезы и вернулась к папеньке. Секретарь Старькин был уже на месте, сказал, что Яков Давыдович может меня принять. Отец был тих и задумчив. Сославшись на головную боль, он предложил отправиться домой. Я ему не рассказала, что слышала этот разговор.

Девушка громко вздохнула, поправила складки на платье, затем продолжила:

– Это было три дня назад, во вторник, а в среду ночью папеньку хватил удар. Наш доктор Бровицкий говорит, что-то типа нервной горячки, второй день отец в бреду. Ничего не говорит, не приходит в сознание.

– А от меня вы чего хотите? – удивился Аристарх Венедиктович.

– А вот посмотрите, что я нашла в вещах папеньки, когда перебирала бумаги, – девушка протянула обомлевшему сыщику старый блокнот в потрепанном переплете. – И скажите, что с этим нужно сделать.

Новгородская область. Батецкий район. Наши дни

– Представляешь, у меня тут рядом в деревне бабушка жила. Я в детстве частенько у нее гостила, – подставив курносое лицо яркому летнему солнышку и распластавшись на травке, промурлыкала Майя.

– Хорошо тут как, – с легкой ленцой в голосе ответила Стеша и перевернулась на живот, подставив солнышку обтянутый коротенькими шортиками зад. – В Питере такой солнечной погоды даже летом не встретишь.

– Слушай, а нас не хватятся в лагере? – поправив солнечные очки, съехавшие на кончик носа, спросила подруга.

– Не-а, кому мы там нужны? Студент спит, а практика идет, – ухмыльнулась Белинская.

Ее загорелое личико на фоне ярких огненно-рыжих косичек смотрелось просто умиленно, особенно выделялось по контрасту с изумрудной полянкой, на которой загорали две студентки исторического факультета.

– Вот тут ты, Стефания Батьковна, совсем не права. Я ведь столько сил вложила, чтобы к Апраксину на практику попасть, и тебя сюда притащила. Я так хотела в раскопках Шум-горы поучаствовать! – мечтательно закатила глаза Майя.

– Ага в раскопках, много мы тут с тобой копаем? То картошку чистить приходится, то кормить всю эту ораву изголодавшихся историков. А мы вообще-то тоже историки, хоть и молодые, – шмыгнула носом Белинская.

– Да не переживай, хватит и на наш век экспедиций, – заявила Майя, лениво почесывая живот.

– Экспедиций-то хватит, а вдруг они без нас тут настоящего Рюрика откопают, а мы в это время картошку будем чистить или палатки расставлять?

– Не откопают, не бойсь, и вообще, пока на Шумке копать и не собираются. Тут на территории погоста более семи древних курганов расположены, начнут пока с четверки, на плане номер четыре, – объяснила Майя, наматывая на палец синий дред.

– А ты откуда знаешь?

– Вот ты вчера с пацанами полночи у костра сидела, а я, между прочим, к Кузнецовой ходила.

– К Мымре Эдуардовне?

– К ней самой! – с серьезным видом кивнула Майя.

– И что тебе Мымра, точнее Марина Эдуардовна, все рассказала о планах работ? – удивилась Стеша.

– Ага, конечно, рассказала, потом мы с ней выпили вместе по бокальчику красного вина и завалились в пижамках смотреть сериальчики! Стеша, не тупи! Когда это наша Мымра, самый главный секретарь на кафедре и руководитель практики, опускалась до общения с первокурсниками? – метко отбрила ее Виноградова.

– Ну, мы вообще-то первый курс уже закончили, – подняла палец вверх Стефания, – это раз, ты практически отличница, особенно по отечественной истории, – это два. А три – да чего только в жизни не бывает?! Может быть, она на свежем воздухе подобрела! – рассмеялась девушка.

– Я скорее поверю, что завтра мы тут откопаем египетского фараона на берегах Луги, или в говорящую гюрзу, чем во внезапную доброту Кузнецовой.

– Так как ты узнала про четвертый курган?

– Да очень просто, если они чего хотят утаить от студентов, пусть планы работы с огромными восклицательными знаками у четверки получше прячут, а он, этот план, у них просто так на столе лежал, – пожала плечами Майя.

– Просто так и лежал? – усомнилась ее подруга.

– Да, так просто и лежал.

Девочки еще немного помолчали, потом Майя сказала:

– Слушай, что я вчера еще узнала. Там рядом с планом древний свиток валялся, я в него нечаянно заглянула и сфотографировала. Вот, послушай, что пишут: *«Была битва поздней осенью, на северном берегу Луги. Рюрик был тяжело ранен и погиб. Холодно было, земля смерзла, тело его засыпали камнями. Остались двенадцать человек с ним. Весной тело Рюрика перенесли через реку в местечке Каменья с огнями, на южный берег Луги, где похоронили в большом кургане, в золотом гробу, и с ним сорок бочонков серебряных монет. Похоронили с конем и позолоченным седлом. Вместе с ним похоронили этих двенадцать человек головами по кругу. На тот момент Рюрик оставался один. Дядя прислал на похороны Рюрика гроб, саблю, шлем и щит. От кургана к реке идет золотая цепь. Рюрика похоронили в пятой пучине по Луге, в шестидесяти верстах от Новгорода и в шестидесяти сажнях от Луги»*, – Майя прочитала вслух и оторвалась от экрана смартфона.

– Ну вот, все сходится. Шестидесят верст от Новгорода – так и получается, плюс-минус примерно, – нехотя ответила Стефания. – Все сходится на этой Шум-горе.

– Плюс-минус примерно, – согласно кивнула Майя.

– Сорок бочонков монет, золотой гроб плюс дорогое оружие – это сколько же денег может стоить? – мечтательно закатила глаза Белинская.

– Так ты историк или кладоискатель? Это все бесценно для науки! Для всей исторической науки! – назидательно сообщила ей подруга.

– Я-то ладно, а почему другие, те же местные деревенские, тут все не перекопали, об этой легенде и о золотых гробах многие, небось, знают – почему тогда до сих пор Рюрика не откопали? – наморщила нос Стеша.

– Говорят, проклятие над этим местом. Многие, кто пытался тут копать, поплатились за это, говорят, сама Шум-гора и духи этого места убивают черных копателей и черных археологов!

У-у-у-у!..

– Да ну, перестань. Глупости все это! – засмеялась Белинская.

- А вот и не глупости! Я сама слышала странные звуки в Шум-горе!
- Мало ли, это ветер так гуляет! Наверное, – смутилась девушка.
- Они обе замолчали, каждая задумалась о своем, потом Белинская задала вопрос:
- А сейчас бабуля твоя еще тут, в деревне?
- Нет, бабушка с дедушкой пару лет назад скончались, – мгновенно помрачнела Виноградова, видимо, воспоминания были неприятны ей. – Сердечный приступ у деда, а баба Маня его на неделю пережила.
- Очень жаль, извини, я не знала, – погладила подругу по руке Стефания.
- Да ничего, проехали. Они, кстати, здесь недалеко на погосте похоронены, надо к ним зайти.
- Белинская кивнула, но взглянув на притихшую и погрузневшую подругу, предложила:
- Ладно, пойдем уже в лагерь. А то за водой мы что-то очень долго ходим.
- Оказывается, для этого студентов в археологические экспедиции и берут – картошку чистить и воду носить, – поднялась с травы Майя.
- Ну, пацаны еще копают иногда, – улыбнулась Стеша.
- Вот, кстати, и один из них. Только какой-то весь взъерошенный, – указала рукой Майя.
- К ним действительно бежал высокий и нескладный Антон Новоселов, на ходу смешно размахивая длиннющими руками и ногами. Вид у него был весьма помятый и местами взъерошенный:
- А, вот вы где! Хорошо, что я вас нашел. Бегом в лагерь, там такое! Вы не поверите!
- Рюрика нашли? – хором крикнули девушки.
- Хуже, они его потеряли.

1868 г. Санкт-Петербург

- Ну и что ты обо всем этом, Глашенька, думаешь? – Аристарх Венедиктович комфортно расположился за красиво сервированным столом, заставленным различной снедью.
- Чего тут только не было – и горячая оленина, и потрошки в винном соусе, и сочная выпечка, и несколько огромных расстегаев – Глафира только и бегала туда-сюда, расставляя яства на столе.
- Присядь, родимая, и ответь мне на вопрос, что ты думаешь о новом деле, – приказным тоном заявил Свистунов.
- Автоматически протерев очередную серебряную вилку льняной салфеткой, Глаша задумчиво уставилась на сыщика.
- Что ж, у меня есть несколько мыслей насчет княгини Мильфорд, – медленно начала она.
- Я, конечно, рад, что ты тоже думаешь над делом, но послушай меня, мне нужно кому-то рассказывать о своих догадках. Проговаривая, я еще раз обдумываю ситуацию, – динамично пережевывая крыло жареной индейки и вытирая соус рукавом сюртука, заявил Свистунов.
- Глафира немного скривилась, еще бы – ведь отстирывать костюм придется ей, но к экстравагантным выходкам хозяина она вполне привыкла, и не такое он мог выкинуть.
- Итак, я предполагаю, точнее, я в этом сто процентов уверен, виной всему – огромное папенькино наследство. Княгиня Мильфорд сбежала из Парижа, явно набедокуриив там. Напомни мне, Глафира, навести справки об ее образе жизни во Франции. Я уверен, что французские ищейки-филеры накопают весьма любопытные подробности о личной жизни княгини, – причавкивая, сообщил Свистунов. – Эх, цены тебе нет, Глашенька, как вкусно готовишь, вот еще бы немая была – так вообще сокровище!

– Извините, Аристарх Венедиктович, но Надежда Яковлевна Мильфорд не производит впечатление легкомысленной и взбалмошной девушки, особенно с плохой репутацией. Она чиста и невинна, – потупив взгляд, сказала Глаша.

– Ничего ты, Глашенька, в женской психологии, да и вообще в жизни, не понимаешь, такие иногда мамзели попадают, ты не поверишь!

Глафира упрямо мотнула головой.

– И вообще, почему ты споришь со мной?! – вскричал Свистунов и стукнул рукой об стол, только чудом не уронив блюдо с расстегаем.

– Аристарх Венедиктович, я с вами не спорю, я просто говорю о своих впечатлениях от княгини Мильфорд. Видно, что она всерьез потрясена подслушанным разговором в кабинете отца, – начала медленно объяснять девушка.

– А ну молчать! – подпрыгнув с кресла и стряхнув с себя крошки, заявил хозяин дома. – Кто здесь същик, ты или я? Твоя задача – щи варить да рубашки стирать! И вообще, по последним данным заграничной науки, женский мозг – недоразвитый орган, чуть больше, чем у орангутанга, но меньше, чем у мужчины, – выразительно поднял палец вверх Свистунов. – Сейчас ты начнешь свой нос в същицкие дела совать, а завтра что – права юридические захотите, голосовать, может быть, или даже главой правительства стать?! – расхохотался Свистунов. – А нет-нет, может быть, дамы будут этими... как их... электромобилями управлять?! – во все горло засмеялся същик, изображая, что крутит руль и держит кончик юбки руками.

Глафира потупилась, лишь крепко сжала зубы.

«Мозг чуть побольше, чем у орангутанга?! Ну спасибо, Аристарх Венедиктович. Ну спасибо, дорогой. Вот попросишь еще у меня любимые блинчики с икрой!» – со злостью подумала Глаша, но вслух ничего этого, конечно же, не сказала.

Свистунов же продолжал свою обличительную речь в сторону всего женского пола, не забывая при этом уплетать вкусности, приготовленные этим самым женским полом.

– Понимаешь ли, Глафира, я не собираюсь тебя никоим образом обидеть, ты практически идеальная помощница по хозяйству – и готовишь так вкусно. Но... Но детективных способностей у тебя, как и у всех женщин, нет и никогда не будет. Так вот. Ты сразу пожалеела бедненькую заплаканную княгиню Наденьку, вот еще вырядилась, как чучело, в эту вуаль. Я сразу насторожился. Неспроста она и села в самое дальнее кресло, и вуаль эта на носу. Девушка явно что-то скрывает и не хочет, чтобы видели ее лицо, ее глаза, – откусывая большой кусок от мясного пирога и зажмурившись от удовольствия, сообщил същик.

Глафира еще крепче сжала челюсти.

«Какой же глупый, напыщенный индюк!» – думала она.

– Вот ты, милая моя, поддаешься эмоциям – чувствам жалости, сострадания и прочей женской чепухе, я же использую только рационализм и свои незаурядные умственные способности!

Глаша закатила глаза, это самодовольство хозяина ее дико раздражало.

«Подлить ему, что ли, в чай слабительного? Хотя так тоже нельзя!» – мысленно одернула она себя.

– И раз эта твоя драгоценная Мильфорд что-то скрывает, значит, – выжидающе поднял палец същик, – значит, она виновата, значит, ей есть что скрывать. Именно она имеет прямое отношение к плохому самочувствию своего папеньки. Я навел справки, Наденька – единственная дочь Якова Давыдовича, значит, именно ей достанется все немаленькое наследство князя Мильфорда. Ей выгодно, чтобы папенька помер, а она денежки получит.

– А зачем она к вам пришла, если и так все наследство получит? – спросила Глаша.

– Вот, а это хороший вопрос – пришла она, я думаю, для того, чтобы снять с себя все подозрения, типа я не я, я папеньку люблю!

– А как же ее история про разговор в кабинете? Про черный плащ? – удивилась Глаша. Свистунов расхохотался во весь голос.

– Ты поверила в этот ее бред?! Сказочки парижской барышни! Поначиталась Шарля Перро, или кто у них там сейчас в моде?

Глаша молчала, смешно морща нос.

– Вот ведь какая бестия! Как здорово все придумала! Сама, скорее всего, и отравила батюшку, чтобы на тот свет его пораньше отправить! – продолжил чавкать Аристарх Венедиктович.

– Да зачем же ей отца убивать? Зачем спешить, отец – старый человек! – решила все-таки поспорить служанка.

– Да откуда ты знаешь, что она за человек? Может, ей деньги зачем-то срочно понадобились? Может, она своих любовников содержит?

– Любовников? В ее шестнадцать лет? – Глаза у Глаши чуть не вывалились из орбит.

– Эх, Глаша, ты совсем меня не слушаешь! В шестнадцать и не такие мамзели бывают! Эх, Глаша, добрая душа, совсем жизни не знаешь! – Свистунов покачал неодобрительно головой.

Глафира снова замолчала, кусая губу, что говорило о ее напряженной работе мозга, который, оказывается, судя по новейшим открытиям девятнадцатого века, чуть больше, чем у орангутанга.

– А как же дневник с записями?! Я думаю, его надо изучить, и, возможно... – начала Глаша.

– Все, хватит! Почему ты опять споришь?! Я тебе рассказал подлинную версию событий, все, как было на самом деле! А ты со своими дурацкими вопросами! Дневник – фикция, фальшивка, для того чтобы запутать следствие, что ей прекрасно и удалось сделать, раз ты вцепилась в эту книжечку. Если тебе заняться нечем, то сиди – изучай, а мне не мешай. – Съищик кинул в руки девушке потрепанный дневник. – И еще раз тебе заявляю, это тупиковая ветвь. Там ничего нет и быть не может. – Он снова забрал у нее дневник. – Работать надо, а не глупостями заниматься. И вообще, принеси-ка мне, голубушка, чаю с чем-нибудь вкусненьким... – заявил Аристарх Венедиктович и одобрительно похлопал себя по весьма объемному животу.

Записи из старого дневника. 20 мая 1866 г.

Мне, коллежскому ассессору Борису Ивановичу Яновскому, необыкновенно повезло, не зря я столько лет потратил на изучение древних языков, особое внимание уделяя нашему древнерусскому. В Академию наук я попал абсолютно случайно, хотя это и было моей многолетней мечтой, по совету моего дорогого Р. меня взяли на должность регистратора и помощника архивариуса в фондах Академии.

Мой непосредственный начальник, старший архивариус Лев Никодашин, – весьма интересная личность: скуп на слова, постоянно грустен и в тягостных раздумьях, на вопросы практически не отвечает. Только несколько раз предупредил меня, чтобы я молчал о том, что увижу, или услышу, или прочитаю в фондах Академии.

Мне продемонстрировали огромные ряды, бесконечные ряды книжных стеллажей, с безграничными полками с рукописными свитками, летописями, различными документами, относящимися к самым ранним периодам истории нашего государства.

С каким обожанием и трепетом я взирал на все эти полки, ведь именно здесь заключена сама История!

Совсем недавно вышла в свет книга Николая Михайловича Карамзина «История государства Российского», я сразу приобрел и изучил все тома, так вот, как сообщил мне Николашину, Николай Михайлович работал над своей книгой, используя данные фондов Академии.

Подумать только, всем этим бумагам, летописям многие сотни лет, они свидетели жизни и деяний легендарных правителей, воинов, государственных деятелей, а теперь я могу прикоснуться к самой древней истории нашей страны.

Мне в ближайшее время придется заняться систематизацией всех знаний, хранящихся здесь. Записать и уточнить библиотечные каталоги по истории Древней Руси – я уверен, что со всем этим блестяще справлюсь...

Новгородская область. Батецкий район. Наши дни

– То есть как это, Рюрика потеряли? – хором удивились девушки. – Ты это о чем?

– Некогда рассказывать, – Антон буквально силком потащил подруг в лагерь, разбитый недалеко от деревни Заполье.

– Ну, Антоша, ну что там случилось-то? – заныла Стефания, буквально повиснув у парня на руке.

– Апраксин немедленно велел всех собрать, Мымра Эдуардовна рвет и мечет, у нее пропал необыкновенно важный древний документ, по которому якобы можно сто процентов найти могилу Рюрика, – на ходу объяснял Антон.

– А что за документ? – наморщила нос Майя.

– Фрагмент древней рукописи, которую наша Мымра как-то смогла из фонда Академии под честное слово взять в экспедицию.

– А почему она просто копию с него не сняла? Зачем тащить бесценный экземпляр с собой? Тем более в полевые условия, в которых может что угодно случиться, – поразилась Стефания.

Новоселов фыркнул от негодования. Он считал себя одним из самых лучших студентов на курсе, этакий ботаник от мира исторической науки, но все-таки снизошел до объяснения:

– Вот ты, Белинская, даешь! Учат тебя, учат, а все без толку! Неужели ты не в курсе, что нельзя ни в коем разе ксерокопировать старинные рукописи, а тем более древнерусские летописи! Что они от этого тускнеют и портятся! Первый раз об этом слышишь? Историк называется, – продолжал бурчать себе под нос Антон.

– Ксерокопировать нельзя, а с собой таскать древние летописи – это значит можно? – окрысилась Стефания.

– Так, все, хватит лаяться! Ты откуда все это узнал? – решила задать главный вопрос Майя.

– Про ксерокс? А-а-а... про пропажу. Так сейчас сама Мымра Эдуардовна бегала по лагерю, орала во все горло о бесценном похищенном артефакте, что без него экспедицию можно сворачивать, что именно там уникальная информация о могиле Рюрика содержится, Сергей Юрьич велел всех студентов собрать в главной палатке, немедленно. – За всеми этими разговорами они не заметили, как прибежали в лагерь, над которым повисла гнетущая тишина.

Студенты-практиканты сидели рядком на двух поставленных длинных скамейках, с другого конца расположились преподаватели: профессор Апраксин Сергей Юрьевич, руководитель практики Кузнецова Марина Эдуардовна, доцент кафедры Отечественной истории Александр Александрович Корнеев, аспирантка Людмила Тихомирова и отвечающий за хозяйственную часть Федор Углов, дополнительных рабочих пока не было – их планировали взять в ближайшей деревне, соблазнив звонкой монетой.

Когда все собрались, слово взял Сергей Юрьевич. Обводя взглядом притихшую аудиторию, он пытался достучаться до каждого здесь присутствующего:

– Наша научная экспедиция только началась, мы все здесь делаем общее дело – изучаем историю. Сегодня или, может быть, завтра здесь произойдет историческое открытие, которое полностью перевернет все современные представления о Древней Руси и о ее первых правителях. Нехорошо начинать экспедицию со лжи, а тем более с воровства. У руководителя практики, у нашей любимой и незаменимой Марины Эдуардовны пропал важный научный документ. Ценность его заключается не в рыночной стоимости, продать его недоброжелатель все равно не сможет, – профессор еще раз внимательно взгляделся в молчащую аудиторию. – Ценность, а точнее бесценность, этой рукописи в содержании послания. Ни для кого из вас не секрет, что и кого мы здесь ищем, потому я клятвенно обещаю, что если сегодня в течение дня рукопись вернут на место – то никаких последствий для вора не будет. Мало того, мы даже не сообщим ни в полицию, ни в деканат. Забудем об этом происшествии, как о страшном сне. Но... – Апраксин взглянул на бледную и заплаканную Кузнецову, – но... если рукопись сегодня не будет возвращена, то придется обратиться в полицию. Вора найдут, обязательно найдут, и мало того, что посадят за решетку, но и... что намного страшнее – его или ее выгонят из университета. Вам всем все понятно? Есть вопросы? – привычным тоном обратился к студентам профессор Апраксин.

– Сергей Юрьевич, – поднялся со своего места Никита Котов, лодырь, хулиган и прогульщик, – Сергей Юрьевич, а с чего вы взяли, что вор находится среди нас? Не мог кто-то из деревни – или мало ли пришлых людей – стащить этот свиток?

– Нет, Котов, не мог, не задавай глупых вопросов, – вместо Апраксина ответила Марина Эдуардовна. Она поднялась со своего места, крепко сжав очки в правой руке. – Кроме нас с вами, никого постороннего в лагере не было и быть не могло. Хоть деревня Заполье и рядом, но мы всего два дня как лагерь поставили, еще из местных никто к нам не заходил. Вор тут, в нашем с вами лагере, возможно, сидит рядом с вами в двух шагах и молчит, посмеивается. – Рука сжала очки еще сильнее, так что побелели пальцы. – Вчера вечером свиток был, мы в главной палатке обсуждали план предстоящих работ, а сегодня утром он уже пропал.

Аудитория потихоньку забурлила, переваривая услышанное.

– А точно он пропал? – поднял руку Новоселов. – Вы хорошо посмотрели? Везде?

Марина Эдуардовна недобро улыбнулась.

– Точно-точно, везде-везде. Ты из нас дураков-то не делай, Новоселов.

– Сергей Юрьич, – подскочила со скамейки Стефания, – а что теперь будет? Если свиток не найдется, то все – экспедиции не будет? Мы домой, что ли, возвращаемся?

– Хороший вопрос, Белинская, очень хороший вопрос, над ним будем думать. Будем надеяться на лучшее, в экспедицию вложено уже столько сил, средств, что возвращаться сейчас не только глупо, но и уже просто невозможно, – профессор развел руками.

– А я говорил, что не нужно молодых студентов сюда тащить, вон что вышло, – крикнул со своего места Федор Углов.

Он отвечал за хозяйственный блок в вузе и, мягко говоря, студентов не очень-то и любил.

– Лучше давайте все вспоминайте, кто крутился утром возле главной палатки, кто кого там видел, – подал умную мысль Сан Саныч Корнеев.

– Ну, сначала завтрак был здесь, на террасе, план работ вместе со всеми документами на столе лежал, – ответила Марина.

– Со вчерашнего дня лежал? – ехидно поинтересовался Корнеев.

– Да, со вчерашнего, – так же ехидно ответила Кузнецова. – Не успела я все дописать и систематизировать, вот после завтрака собиралась – а он уже тью-тью.

– Кто утром заходил в главную палатку? – спросил строго Апраксин.

– Мы с Авдюшиным заходили еще до завтрака, часов в семь, – ответила аспирантка Люда Тихомирова. – Точнее, мы заглянули, там никого не было, мы сразу ушли.

Толстенький и кругленький аспирант Авдюшин, весь похожий на сладкий пончик, энергично закивал, подтверждая слова Тихомировой.

– Кто еще там был? – снова спросил Апраксин.

Котов встал с места и задумчиво ответил:

– Я знаю, кто вчера вечером там был и вышел оттуда весьма радостный и веселый. – Его толстый заскорузлый палец уперся прямо в съжившуюся Майю Виноградову. – Это она украла рукопись...

1868 г. Санкт-Петербург

– А, это снова вы? – Сегодня на княгине Мильфорд была другая шляпка, теперь уже и вуали не было, и юное красивое личико с немного печальными глазами можно было разглядеть без проблем, что Глафира и сделала.

– Добрый день, ваша светлость, – поприветствовала она гостью.

– Доложи своему хозяину, Аристарху Венедиктовичу, что я приехала, чтобы передать ему аванс за детективные услуги.

– Извините, но Аристарх Венедиктович с утра уехал в город по важным делам, должен вернуться с минуты на минуту. Просил вас подождать его, проходите, пожалуйста.

Глафира провела княгиню в хозяйский кабинет, та привычно устроилась в кресле, теперь уже не в дальнем углу.

– Может быть, чаю? – предложила Глаша, когда пауза затянулась.

Надежда Яковлевна неопределенно хмыкнула, служанка расценила это как согласие и уже через пару минут сервировала маленький столик – на нем как по мановению волшебной палочки появился небольшой чайничек с изящной чашечкой, блюдо со свежей выпечкой и смородиновое варенье в хрустальной креманке.

Княгиня, жеманно оттопырив мизинец, отпила горячий чай из блюдечка.

Глафира застыла в дверях, как мраморное изваяние.

Надежда Яковлевна пила чай, и было видно, что ей смертельно скучно.

– Ваша светлость, попробуйте, пожалуйста, варенье, сама варила, очень вкусное, – решила подать голос Глаша.

– Спасибо, э... Глафира? Правильно, да? А скажите, когда Аристарх Венедиктович позвал?

– Он скоро будет, не волнуйтесь, – поспешно ответила служанка.

– А вы не знаете случайно, он сейчас занимается моим делом? Это как-то связано со старым дневником Яновского?

– Ах, ваша светлость, мое дело маленькое – щи варить и рубашки стирать, со мной Аристарх Венедиктович дела не обсуждает, – Глафира развела руками.

– Не знаю, какие у вас щи, но варенье – просто объеденье. – Надежда даже облизнула серебряную десертную ложечку. – Очень жаль, что вы не слышали, просто иногда служанки все и вся знают о своих хозяевах.

– Разные бывают служанки и разные хозяева, – покачала головой Глаша.

– Да, разные, – кивнула Мильфорд. – А скажите, действительно господин Свистунов такой хороший сыщик, как о нем говорят?

– Аристарх Венедиктович хороший человек, великолепный хозяин и необыкновенный сыщик, – быстро проговорила Глаша.

– И он сам распутал столько сложных дел?

– Ну да, конечно.

Обе девушки помолчали, потом служанка подала голос:

– Ваша светлость, а можно мне задать вопрос?

– Да, можешь. Спрашивай, – великодушно ответила княгиня.
– А почему в прошлый раз вы были в темной вуали и сели в дальнее кресло? – выпалила на одном дыхании Глаша.

Княгиня Мильфорд от души расхохоталась.

– Ах вот вы о чем!

Она смеялась очень задорно и так заливисто, что невольно и Глафира заулыбалась.

– Другому бы никому не сказала, а тебе – можно. Подойди сюда, смотри. – Надежда Яковлевна притянула девушку к себе. – Видишь?

– Что? Что я должна увидеть? – удивилась Глафира.

– Ну вот здесь, на щеке, видишь, до сих пор след остался? Вот здесь, – княгиня с юношеской непосредственностью продемонстрировала Глаше свою правую щеку.

Видя замешательство Глафиры, Надежда Мильфорд воскликнула:

– C'est un bouton.

– Простите?

– Как там по-русски, это «прыщик», вот на щеке, до сих пор след остался.

– Прыщик? Вы из-за прыщика вуаль надели? – от души удивилась Глафира.

– Конечно, я иду на встречу к известному сыщику. Я не могла предстать перед ним с таким уродством, excusez-moi s'il vous plaît, – в ужасе замахала руками княгиня.

– Гран пардон муа, – Глафира энергично закивала.

– Я почему тебе рассказала, ты сама девушка, меня поймешь. И так сильно нервничала, а еще и этот «прыщик». Пришлось даже в дальнее кресло сесть, спиной к окну, чтобы не было видно. Вот такая оказия произошла, – развела руками Надежда Яковлевна.

– Как же все просто, – согласилась служанка.

В этот момент в прихожей раздались шаги, и на пороге кабинета появился господин Свистунов Аристарх Венедиктович.

– А вот и я. Милая княгиня, Надежда Яковлевна, вы, надеюсь, не скучали. Глафира предложила вам чаю? Вот и славненько. Глашенька, дорогая, носи и мне свои пироги, проголодался, сил нет. – От предвкушения второго завтрака у сыщика затрясся подбородок. Он сложил пухлые маленькие ручки на объемном животе и приготовился слушать свою клиентку.

Новгородская область. Батецкий район. Наши дни

Никита Котов упер свой грязный палец прямо в грудь Майи и снова повторил:

– Это она уперла рукопись, это она вчера вечером слонялась здесь поблизости, а выйдя из палатки, что-то рассматривала в своем телефоне! Это она!

Майя застыла от неожиданности и негодования:

– Я? Да ты что, с дуба рухнул? Это же вчера было! Рукопись украли сегодня! При чем здесь я?

– А при том, что вчера вечером ты увидела рукопись, присмотрелась, что да как, а сегодня ее украли! – кричал разъяренный Котов.

– Что за бред! – в ответ закричала Майя.

– А вот и не бред! Ты такая довольная что-то в телефоне смотрела!

– Мало ли что у нее в телефоне может быть! – кинулась на помощь подружке Стефания.

– А ну, Виноградова, покажи, что у тебя там! – требовательно протянула руку к телефону девушки Марина Кузнецова. – И почему ты не сказала, что вчера была в главной палатке?

– Так то же вчера было! Вы про сегодняшнее утро спрашивали, а не про вчера! – огрызнулась Майя.

– Я спрашивала про рукопись, ты ее видела, может быть, одной из последних и никому об этом не сказала! Вот о чем речь! Давай телефон сюда, Виноградова! Не заставляй меня принимать чрезвычайные меры!

Еще немного попрепившись, Майя нехотя протянула свой мобильник под восторженные вопли Котова и раскрытые от удивления рты других студентов, которые смотрели на представшую перед ними сценку как на цирковое представление.

Немного покопавшись в смартфоне (Майя сто тысяч раз успела пожалеть, что в свое время не запаролила мобильник), Марина Эдуардовна издала негодующий вопль и, ткнув в фото на экране, заверещала:

– Я так и знала! Вот он!

Она подлетела с телефоном к изумленному Апраксину и принялась тихо на ухо что-то ему объяснять.

Почесав седую голову, тот предложил:

– Марина Эдуардовна, давайте перенесем нашу дискуссию в другое, более тихое место. Виноградова, Котов, за мной. Остальные студенты пока свободны.

Майя с понурой головой, ухмыляющийся гопник Котов и прикрывавшая сзади их отступление Марина Кузнецова – все направились к главной палатке, штабу экспедиции, где совсем недавно произошла «кража века».

– И что я тебе такого сделала? – зашипела сквозь зубы на Никиту Майя.

– А ты и не помнишь, сколько раз я просил у тебя реферат по зарубежке, ни разу не дала, жмотяра, вот теперь и выпутывайся, – показал гнилые зубы в гнусной улыбке студент.

Когда все зашли в палатку, Апраксин выжидающе посмотрел на притихших ребят:

– Виноградова, вы ничего не хотите сказать? Откуда у вас в телефоне фотография похищенной рукописи?

– Сергей Юрьевич, я все объясню!

– А чего тут объяснять, и так все понятно! – влезла в разговор Кузнецова. – Вчера вечером тайно она сюда пробралась, увидела старинный артефакт, сфотографировала его. Скорее всего, отправила фото заказчику по электронке или по ватсапу, получила от него дальнейшие указания и на завтрашний день украла рукопись.

– Марина Эдуардовна, не будем делать скоропалительных выводов, надо разобраться во всем, – предостерег ее преподаватель. – Виноградова, я вас внимательно слушаю.

– Сергей Юрьевич, – начала Майя, но обращалась она только к Апраксину, полностью игнорируя Кузнецову. – Вчера вечером я зашла сюда, хотела у Марины Эдуардовны уточнить данные по количеству продуктов на сегодняшний день. Предполагалось, сегодня из деревни дополнительных рабочих приведут на раскопки, и мы с девчонками не знали, на них нужно готовить или нет. Короче, это неважно.

– Продолжайте, Виноградова.

– Я после ужина, часов в восемь, заглянула сюда, в палатку. Здесь никого не было, было пусто. На столе лежал план раскопок и рукопись. Я, каюсь, одним глазком в нее заглянула. Интересно же, видно, что это фрагмент древней летописи. Мы такие изучали во втором семестре, я по ним еще реферат делала. Ну вот, заглянула, там на древнерусском написано, чтобы все прочитать, расшифровать, я и сфотографировала ее, – быстро, на одном дыхании затараторила Майя.

Кузнецова недовольно фыркнула.

– Вам удалось расшифровать летопись? – удивился профессор.

– Ну да. Отдайте телефон, я вам зачитаю мой перевод Сергей Юрьевич протянул Майе мобильник.

Та немного покопалась в нем и начала читать, медленно и с выражением:

– *«Была битва поздней осенью, на северном берегу Луги. Рюрик был тяжело ранен и погиб. Холодно было, земля смерзла, тело его засыпали камнями. Остались двенадцать человек с ним. Весной тело Рюрика перенесли через реку в местечке Каменья с огнями, на южный берег Луги, где похоронили в большом кургане, в золотом гробу, и с ним сорок бочонков серебряных монет. Похоронили с конем и позолоченным седлом. Вместе с ним похоронили этих двенадцать человек головами по кругу. На тот момент Рюрик оставался один. Дядя прислал на похороны Рюрика гроб, саблю, шлем и щит. От кургана к реке идет золотая цепь. Рюрика похоронили в пятой пучине по Луге, в шестидесяти верстах от Новгорода и в шестидесяти сажнях от Луги».*

Прочитав, она обвела всех внимательным взглядом.

Марина Кузнецова, все еще красная от негодования, стояла в углу, рядом прислонился молчаливый Никита, профессор Апраксин рассматривал Майю, как будто видел ее первый раз в жизни:

– Виноградова, вы замечательно сделали перевод с древнерусского, я приятно поражен. Сами справились или кто помогал? – наконец-то спросил преподаватель.

– Сама, – кивнула синими дредами девушка.

– Да при чем тут сама не сама? Пусть ответит, куда она рукопись дела и для кого ее стащила? – негодовала Марина Эдуардовна.

– Мариночка, остыньте, вина девушки не доказана, рукопись она сфотографировала вчера вечером, вы должны были заметить дату и время фотографии, указанные на мобильном. Утром рукопись все еще была на месте, вы сами ее видели. В ватсапе Виноградовой никакой подозрительной переписки нет, – ответил на гневные выпады профессор.

– Переписку и удалить в ватсапе можно, – подал голос Котов.

В ответ получил уничтожающий взгляд Майи.

– Хорошо, все могут быть свободны до выяснения обстоятельств. Марина Эдуардовна, останьтесь, пожалуйста, еще на несколько минут.

Страницы старого письма...

«Мой дорогой друг, моя милая Лизонька, только вам могу доверить свои самые сокровенные мысли и чувства.

Каждый день, каждый час я считаю секунды до нашей новой встречи.

О Елизавета Михайловна, каждый вечер я вспоминаю тот замечательный день нашей первой встречи в моем родном Новгороде, когда вы прогуливались по набережной, а я с моим другом Р. навещал так некстати захворавшего поручика Студеного.

В тот миг, когда я вас увидел, я обомлел от восхищения вашей красотой, вашей ангельской внешностью.

И я сразу воздал молитву Богородице и всем святым апостолам, что я все-таки вас нашел, и теперь никогда не отпущу, и вы станете моей женой.

Я опросил всех знакомых, пока не узнал, кто вы и откуда, и в тот же вечер явился к вашему батюшке, купцу Михаилу Матвеевичу Т., чтобы просить вашей руки.

Но, как вы знаете, мой социальный статус и захудалый дворянский род не произвел на вашего батюшку должного впечатления и почтения. Тот сообщил мне, что выдаст свою дочь Лизоньку только за обеспеченного человека, и я дал вам свое честное слово, что я заработаю много денег и обязательно женюсь на вас, мой ангел.

Сейчас я устроился в библиотеку фондов Академии наук, денег платят немного, но не это главное – я сделаю историческое открытие, которое перевернет всю науку, удивит все мировое сообщество. Я прославлюсь, сделаюсь знаменитым и богатым, и ваш батюшка с радостью и великодушием выдаст вас за меня, мой ангел.

Твой верный и преданный друг Б. Яновский».

1868 г. Санкт-Петербург

После того как за княгиней Мильфорд захлопнулась дверь, Аристарх Венедиктович, вкусно и обильно поев и обтерев губы льняной накрахмаленной салфеткой, внимательно пересчитал деньги аванса, выданного Надеждой Яковлевной.

– Аристарх Венедиктович, можно вопрос? – немного подумав, обратилась к хозяину Глаша.

– Да, можешь, спрашивай, – великодушно согласился он.

– Как вы можете брать деньги у клиентки, если сами не верите ни единому ее слову и подозреваете ее в покушении на убийство собственного отца, мошенничестве и клевете? – с негодованием спросила девушка.

– Могу брать, спокойно беру. Запомни, Глашенька, деньги всегда пригодятся. В любое время и в любом месте. Пока вина княгини Наденьки не доказана, она гуляет на свободе, а аванс я получил за свою работу, – еще раз пересчитав ассигнации, заявил Свистунов.

– Но, Аристарх Венедиктович, это же низко, неблагородно. Вы за деньги княгини ищете доказательства ее вины. Это же недопустимо! – ахнула Глафира.

– Ой, много ты понимаешь! Допустимо – недопустимо! Благородно – неблагородно! Твоя работа...

– Щи варить да рубашки стирать, – уныло закончила фразу Глафира. – Но все-таки, Аристарх Венедиктович, вы не дали девушке ни единого шанса. Вы хотя бы ознакомились с бумагами и дневником Бориса Яновского, там, я чувствую, разгадка.

– Вот еще. Ты мной что, командовать собираешься?! Распустил я свою прислугу, совсем разбаловались, нельзя к вам с добром, с либеральными ценностями. Не понимаете вы, не цените, – ворчал сыщик Свистунов. – Лучшие, дорогуша, сходи на Большую Морскую в кондитерскую к Потапову, у них пряники вкусные. Купи дюжину к полднику, а лучшие сразу две купи. И так уж и быть, я тебя одним пряником угощу – если быстро вернешься.

Аристарх Венедиктович протянул одну ассигнацию из аванса застывшей горничной.

– Извините, Аристарх Венедиктович, но я не уверена, что у них будет сдача с такой крупной суммы. Да и украсть могут в городе, – тихо проямлила Глаша, она все еще была обижена на гневный тон хозяина и в голове прокручивала утренний разговор с княгиней Мильфорд.

– Да, точно, сумма большая. А ты, непутеха, еще и потерять можешь невзначай, – согласился хозяин. – Ладно, сейчас найдем поменьше.

Он сунул руку во внутренний карман нового сюртука из английской шерсти – для этого ему пришлось даже встать с мягкого кресла. Продолжая похлопывать себя по бокам и одышливо вздыхая, Свистунов осматривал все свои карманы, даже пританцовывал и кружился на месте, что при его исполинском телосложении выглядело весьма забавно.

– Что-то случилось, Аристарх Венедиктович? – глядя на комичные телодвижения своего хозяина, поинтересовалась Глафира.

– Случилось, милая, случилось. Никак не могу найти свой кошелек, а ведь утром он был, точно был, – продолжая ощупывать сюртук, с детской обидой ответил сыщик.

– Точно был? А где вы его видели в последний раз? – Глафира сняла с вешалки плащ Свистунова и осмотрела его тоже.

– Так, кошелек нет и часов позолоченных на цепочке тоже нет, – сыщик поднял на Глашу глаза, полные слез. – Что же это такое делается? Там же рубли серебряные были. Да как так-то?

– Аристарх Венедиктович, сконцентрируйтесь, ответьте честно, где и когда видели в последний раз кошелек и часы? – строго спросила горничная.

– Кошелек утром был, точно был, когда я выходил. А часы... – Свистунов задумался. – Вспомнил, на часы я поглядел при входе на Сенной рынок. Там еще толпа такая была, я хотел прогуляться, купить парочку баранок... маковых... – зачем-то принялся оправдываться сыщик.

Глафира тяжело вздохнула.

Сенной рынок был одним из мест сосредоточения питерских щипачей-карманников, которые филигранно могли вытащить у жертвы что угодно так, что «оципанный» ничего и не почувствует.

«Все, тью-тью теперь кошелек, а часики давно уже в ломбард сдали», – подумала Глафира, а вслух спросила:

– Что-нибудь еще пропало? Проверьте тщательнее.

Свистунов поднял на нее испуганные глаза и прошептал охрипшим голосом:

– Пропал дневник Яновского, он у меня во внутреннем потайном кармане был.

Глафира ойкнула и схватилась за голову.

Записи из старого дневника. 3 июня 1866 г.

Я работаю до изнеможения, практически по шестнадцать-семнадцать часов в сутки, оставляю время лишь на краткий и тревожный сон и небольшой перекус, который я предусмотрительно беру с собой. Начальство мною довольно, Никодашин часто хвалит меня и с улыбкой предупреждает, что при таком темпе я за год разберу и рассортирую все фонды Академии наук.

Но в последнее время мне немного не по себе: начались проблемы со здоровьем – то ли всему виной губительный петербургский климат, то ли отсутствие отдыха и нормальной домашней еды, но я чувствую себя больным и разбитым. Я почти не выхожу на улицу, забыл, когда прогуливался на свежем воздухе. Мой друг Р. ругает меня за это – просит так себя не доводить и хоть иногда выходить на свежий воздух и побольше спать.

Я послушно киваю ему, но не могу забросить работу – чувствую, что я на правильном пути и делаю важное для науки дело.

Тем более времени у меня осталось не так уж и много.

Я с каждым днем все больше и больше поражаюсь тем сокровищам знания исторической науки, к которым мне посчастливилось прикоснуться.

В фондах Академии оказалось столько древних летописей, которые даже я видел впервые, а ведь я долгое время изучал эту историческую эпоху.

Здесь столько неизвестного материала, что вполне хватит, чтобы написать книгу. О, это будет шедевр, способный затмить даже произведения Карамзина.

Я уверен, что многие из этих летописей неизвестны не только широкой общественности, но даже узким специалистам-историкам.

Меня начинает мучить вопрос, почему мы храним их в тайне, вместо того чтобы сделать доступным для общественности? Очевидно, многие враги науки и нашего государства могут исказить эти тексты, нанеся непоправимый ущерб нашей науке. Этого, конечно же, допустить нельзя, и все же. Может быть, когда-нибудь эти данные станут известны, может быть, даже я сделаю это.

Новгородская область. Батецкий район. Наши дни

Выйдя из палатки, Майя чуть не налетела на пытающуюся подслушивать подругу Белинскую.

– Ура! Ты здесь! Тебя выпустили? – сжала она в своих объятиях Майю, как только увидела.

– А ты уже хотела начать мне сухари сушить и посылки носить? – вяло отбрыкивалась студентка.

– Мало ли! А то ты Кузнецову не знаешь, она разбираться не любит! Пойдем к нам, – Белинская потащила подругу подальше от штаба. – Хочешь, я ему в глаз дам?

– Кому? Апраксину?

– Да какому Апраксину? Балда ты! Котову твоему в глаз дам, чтобы больше неповадно было вести себя как последний козел!

– А что бывает и предпоследний козел?! – расхохоталась Майя. Ей стало ужасно весело, что профессор за нее заступился и не поддался на провокации.

– Да ну тебя! Рассказывай, что там на самом деле произошло! – не отставала Белинская.

– Да, слушай...

В этот момент у границы лагеря раздались довольно громкие крики и топот многих десятков ног.

– Что там на этот раз случилось? – удивились девчонки и бросились на шум.

И было чему удивляться – на открытом поле у самого конца лагеря стояли около двух десятков человек с большими плакатами, щуплый мужик в драной бандане и черной футболке с популярной более десяти лет назад рок-группой скандировал лозунги, толпа его последователей за ним повторяла.

– Это что за демонстрация? Пошли, подойдем ближе! – Белинская потащила подругу в гущу событий.

– Уходите в свой Питер! – скандировал мужичок, толпа повторяла.

– Мы против раскопок!

– Да!

– Не допустим Тамерлана!

– Да!

– Нельзя трогать Шумку!

– Да!

– Рюрик наш!

– Да!

– Как на футбольном поле, – прошептала Майя.

– Какого Тамерлана? Это они о чем? – тоже шепотом спросила Стефания.

Ей ответил стоящий рядом Антон:

– Это они, наверное, про раскопки могилы Тамерлана вспомнили.

– А что там было? При чем тут наши раскопки?

– Существует легенда, что на могилу Тамерлана было наложено проклятие, и когда археологи стали там копать – то началась Вторая мировая война, якобы из-за потревоженного духа правителя, – пухленький аспирант Авдюшин появился как будто из-под земли.

– А чего эти хотят? – спросила у него Стеша.

– А эти – скорее всего, жители ближайших деревень, которые узнали о наших раскопках, а чего хотят – вот они сами и говорят!

– Нет раскопкам! Езжайте в Питер!

Красочные плакаты в руках толпы тоже не вызывали сомнений в мотивах: «Руки прочь от Рюрика!», «Нельзя тревожить мертвых», «Прочь от Шумки!».

Еще немного пошумев и сфоткавшись на фоне красочных транспарантов, щуплый мужичок подошел к студентам-археологам.

– Кто у вас тут главный? – спросил он у завхоза Углова, который меланхолично кусал незажженную сигарету и с ленцой смотрел на толпу.

– А ты кто таков будешь?

– Я местный гид, экскурсии на Шумку вожу, все про нее знаю, Аркадий Сидельников. Кто тут главный? Поговорить надо.

– Главные все там, в штабе! Вы свою самодеятельность заканчивайте, скажи своим бабкам, чтоб расходились, а то раскричались тут, – выплюнул сигарету Углов.

– Да как вы не понимаете, нельзя тут копать – конец света устройте вашими экспедициями! – нервно заявил Сидельников.

– А я тут и не копаю, – спокойно ответил завхоз. – Мне не за это платят, а насчет конца света – вон туда, в темно-синюю палаточку, там и расскажете про Тамерлана, про конец света, Апокалипсис, Рюрика, да хоть про Тутанхамона, мне по барабану, пусть только тетки заткнутся – голова уже болит от них.

– Нет, мы будем стоять тут делегацией, пока вы свой лагерь не свернете, – злобно крича, ответил Аркадий. – Вы не понимаете последствий.

– А вы уж больно много понимаете! Все руководители там!

– Мы проводим вас, пойдемте, – первой подала голос рыжая бестия Стеша, она вцепилась одной рукой в окаменевшую Майку, а другой потащила за собой слабо упирающегося Сидельникова.

– Эй, девушки, чуток полегче, вы мне футболку порвете! – верещал он.

– Стеша, ты что творишь?! – на ухо ей прошептала Виноградова.

– Не волнуйся, все под контролем, – так же тихо ответила Белинская.

Такой же странной молчаливой группой они подошли к палатке штаба.

Когда до нее оставалось несколько шагов, из палатки раздался приглушенный женский крик.

– Что там еще такое? – Девушки вместе с ошалевшим Сидельниковым подбежали к штабу и у входа нос к носу столкнулись с выбегающей из палатки бледной как полотно Мариной Кузнецовой.

Она была вся всклокоченная, дрожала как лист на ветру, а глаза, уже без строгих очков, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Марина Эдуардовна, что случилось? Мы слышали крики! – наперегонки закричали девушки.

Кузнецова беззвучно отшатнулась от студенток и, закрыв рот руками, судорожно показала куда-то вглубь палатки.

Майя заглянула внутрь и тоже чуть было не закричала от ужаса.

На полу лежала аспирантка Людмила Тихомирова, возле ее головы и светлых растрепанных волос расплзлось ярко-малиновое пятно, и это было явно не варенье. А возле ног Люды, тоже успев запачкаться ее кровью, лежала утраченная, а теперь обретенная древняя рукопись.

1868 г. Санкт-Петербург

Питерская весна кратковременна и туманна, дождлива и уныла, но все-таки приятная зелень деревьев и восхитительные закаты перевешивают все минусы ненастной погоды.

Вот одним таким весенним вечером, когда до заката оставалось не больше четверти часа, черная дверь меблированных комнат на улице Мойке отворилась. Оттуда, запыхавшись

и по дороге чуть не наступив на глупую тощую кошку, орущую в сумерках, выпорхнула женская фигура в накинутой на плечи темной накидке, такой же темной шляпке и в уже набившей оскомину черной вуали.

Девушка быстро сбегала с лестницы, обошла угол дома и вдоль набережной быстро упорхнула в ближайшие темнеющие переулки.

Вдоль Невы уже появились и даже некоторые зажглись первые фонари – чудо инженерной мысли Северной столицы, – но девушка не обращала внимания на приглушенный свет, она спешила все дальше и дальше, к самым задворкам. В те затемненные переулки старого города, куда благородные дамы редко забредали, где можно было потерять не только звонкие монеты в кошельке, но и саму жизнь.

Но дамочку подобные эпичные вопросы не занимали, она спешила все дальше и дальше. Пока в одном захудалом и облезлом дворе ее не окликнул строгий грубый голос:

– Эй, красотка, ты не ошиблась часом? Тут не бульвар для гуляний!

Девушка обернулась, кокетливо поправила шляпку и вуаль на ней и молча разглядывала развязную компаню.

А посмотреть было на что. Три дюжих молодца, похожих друг на друга, как близнецы, отличавшихся только цветом чумазых волос, пристально разглядывали незнакомку.

Первый, рыжий детина с длинными и непропорциональными как у гориллы руками, снова повторил:

– Красотка, куда бежишь?

Два других разбойника – черноволосый и пепельный блондин – заржали на два голоса, показывая щербатые и гнилые зубы.

– Она к нам торопится! Ишь как вспотела даже!

– Вот какая краля! Из благородных!

– Поцелуй меня, фря! И я тебя приголублю! – блондин протянул к девушке волосатую чумазую руку.

– Ну наконец-то! – с усмешкой ответила она. – Я вас сейчас всех приголублю!

Девушка спокойно отошла на два шага от блондина, медленно приподняла вуаль, сняла правую перчатку, на которой ярко блеснуло алым цветом золотое кольцо с огромным кроваво-красным рубином.

– Привет, мальчики! – снова усмехнулась Глафира, а ведь это была она. – Привет, как поживаете?

Увидев кольцо с огромным рубином, бандиты чуть челюсти не выронили изо рта, боевая спесь тоже куда-то испарилась.

Они с ужасом взирали на Глашу и ее чудо-кольцо.

– Узнали, значит! Ну хорошо, значит! – весело засмеялась девушка.

Те хмуро кивнули.

– Мне к Данко нужно, причем сейчас же. И вы меня к нему проводите, мало ли лихих людей в городе.

Глафира аккуратно расправила пышные юбки и, высоко задрав голову, скомандовала своим новым друзьям:

– Ну что, так и будете стоять как истуканы? Ведите меня к Даниле Андреевичу, и живо!

Музики снова понуро кивнули, рыжий детина смачно сплюнул на пол и проворчал:

– А зачем тебе Данко понадобился? Может, мы сгодимся?

– Раз сказала, что Данко надобен – значит, надобен. Ведите меня к нему.

– Фартовая ты, краля! Пойдем! – снова кивнул немтытыми вихрами блондин. – С нами тебя не обидят. Пусть кто попробует только.

Так, с таким угрожающим кортежем, Глаша отправилась в святая святых преступного мира Северной столицы.

Санкт-Петербург во второй половине XIX века был едва ли не самым криминальным городом Европы, проигрывая по количеству преступлений разве что лондонским трущобам. Но ослепительная роскошь кварталов соседствовала с множеством нищих районов, а богатые петербуржцы жили в том же городе, что и ищущие легких денег воры, убийцы и мошенники. А возглавлял всю преступную сеть города Даниил Андреевич Акулин, большие известный в воровском мире как Данко. Он принимал клиентов и других страждущих в большом, богато украшенном особняке на задворках Грибоедовского канала. Где на самом деле жил вор в законе девятнадцатого века, никто толком и не знал, а кто знал – тот давно уже кормил рыбок на дне Невы.

Данко был необыкновенно умен, ловок и предприимчив, его боялись все уголовники города, с ним не хотели ссориться ни полицейские чины, ни городская верхушка, ни даже венценосные особы – всем было хорошо известно: Данко сумел бы отомстить и с того света.

Кольцо с алым рубином из рук самого главного человека теневого города попало к Глафире отнюдь не случайно. Ей удалось пару лет назад оказать Данко огромную услугу, и тот в награду преподнес ей сей раритет с предупреждением, что, увидев алый рубин, любая беспризорная шавка и каждый сопливый карманник Петербурга сделает все, что Глаша попросит.

Решив воспользоваться подарком, Глафира даже начала беспокоиться, получится ли, или ее косточки сгниют в воровском притоне где-то на выселках.

Но результат ее порадовал – бандиты явно были впечатлены, искоса поглядывали и на кровавое кольцо, и на его симпатичную хозяйку.

– Барышня, ты нас особо не выдавай Даниле Андреевичу, не говори, что обидеть хотели, мы так, шулки ради, – оправдывался черноволосый по дороге к особняку.

Глафира упрямо молчала, продумывая трудный разговор с сильным мира сего.

Переулки становились все темнее и мрачнее, пару раз девушка заметила разудалую шпану и нескольких угрожающих бандитов по дороге, но взглянув на их веселенькую процессию, никто не решил подойти познакомиться.

У ворот дома на Грибоедовке подпирали стену два бугая, причем они были такие громадные, что разбойничья свита Глаши, состоящая из трех гориллоподобных «ангелочков», выглядела на их фоне просто собранием мальчиков из церковного хора.

Увидев гостей, один из бугаев сердито сдвинул брови, но объяснять ничего не понадобилось – Глаша без предисловий сунула ему под нос кольцо с рубином.

Тот на секунду застыл, если бы прислушаться – наверное, можно было бы услышать, как с тихим шипением и кряхтением крутятся у него в мозгу шестеренки. Но Глафире некогда было заниматься такой чепухой. Кивнув своим личным провожатым – верзилам, она спокойно прошла мимо застывших бугаев и попала в богато обставленную прихожую – всю в золоте и огромных зеркалах в человеческий рост.

Из соседней комнаты сразу показался маленький и верткий старичок Прохор Лукьяныч, большие известный как Проша Золотой, правая рука и секретарь Данко.

Увидев девушку, он потрянул совершенно седой головой и чуть ли не запел от восторга:

– Глафира Кузьминична, какими судьбами! Какая встреча! Ах, душа моя! Вы все так же прелестны! Позвольте ваши плащ! Проходите-проходите! Данила Андреевич вас непременно примет! Одну секундочку, – пока Проша заливался соловьем, его руки искусного карманника, снимая с девушки плащ, обследовали каждую складочку ее одежды – в поисках колюще-режущего оружия.

С любым видом оружия доступ к Данко был запрещен.

Глаше были неприятны эти хоть и легкие, и воздушные, но вместе с тем требовательные прикосновения старого карманника. Но приходилось с этим смириться, она сама пришла в этот дом, в чужой монастырь с чужими преступными правилами.

Так что Глаша терпела и даже мило улыбалась Прохору.

Новгородская область. Батецкий район. Наши дни

– Сама Шум-гора представляет собой конструкцию из мощных каменных плит, сверху засыпанную грунтом. Вся эта территория называется Передольским погостом, который занимает земли от деревни Подгорье до деревни Заполье, вдоль реки Луга. Площадь погоста примерно десять гектаров, и здесь можно насчитать семь крупных курганов. Но самый крупный курган, безусловно, Шум-гора. Ее диаметр почти сто метров, а высота чуть более тридцати. Название она получила за странные звуки, которые слышатся повсюду, – гора «шумит», «поет», потому что на вершине кургана стоят ритуальные камни, которые при сильном ветре издают звук, больше всего похожий на плач. Шум-гора – самый крупный неисследованный погребальный курган в Европе. Ее часто сравнивают с «королевскими» курганами в Упсале (Швеция), курганами конунгов в Усеберге (Норвегия), с мемориальным курганом Харальда Синезубого (Дания), – спокойно и размеренно, как на обычной университетской лекции, рассказывал профессор Апраксин.

– Это все замечательно, но когда я спрашивал, чем конкретно вы здесь занимались, ваша экспедиция, можно было и без подробностей о Шумке. Я сам отсюда родом и больше вашего могу рассказать и о Передольском погосте, и о курганах, – насупился молодой следователь, который снимал показания свидетелей.

– Извините, ради бога. Я немного увлекся. Дмитрий?..

– Дмитрий Сергеевич, – поправил его капитан. – Чем конкретно занималась ваша убитая аспирантка Людмила Тихомирова?

– Людочка у нас была специалистом по георадарным исследованиям, она писала работу как раз по этой теме, потому мы ее и взяли, – поспешно ответил Сергей Юрьевич.

– Вы успели произвести георадарные исследования?

– Да, буквально вчера георадар, точнее Людочка, обнаружила на глубине четырнадцать-пятнадцать метров полость, четко ориентированную с востока на запад. У нас уже возникло предположение, что полость – не что иное, как погребальная камера или саркофаг. Кроме того, в южной части кургана была найдена «линейная аномалия», которая напоминает тоннель, «уходящий в никуда». Представляете, она похожа на тоннели древнеегипетских пирамид. – Глаза у профессора Апраксина загорелись, он принялся ходить по комнате, рассказывая про свое открытие следователю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.